

ЯЗЫК И ВРЕМЯ: СТИХИЯ ПРОТИВ НОРМЫ?

ИЗ ПИСЬМА:

Угнетение вести беседу — наверное редкое в наше время, и тем радостнее астрэчи с людьми, которые сохранили в себе эту способность.

Помню недавнюю встречу в Останкине с С. Образцовым. Почему бы и вам не порадовать нас беседой с Сергеем Владимировичем, который так прекрасно говорит и так хорошо держится на глазах у многомиллионной аудитории. Как ему это удается?

М. А. АРХИПОВ

МОСКВА

— Сергей Владимирович, вот такое письмо мы получили и последовали подсказке нашего читателя.

— Боюсь, что я не очень готов к разговору о языке. Наверное, мне нужно было больше готовиться к нему, чтобы вашим читателям было интересно, что-то от меня услышать. Но я все-таки попробую высказать то, что думаю.

Каждый человек говорит по-своему, хотя все мы говорим на одном языке. И каждый по-своему оценивает перемены, которые постоянно происходят в языке. Одни встречают в штучки все новое и непривычное. Другие подхватывают его, что называется, на лету. Чаще всего это молодые люди, которые, мо-

называем их как угодно, вот тут бы и называть их именами людей сегодняшних.

— В редакцию писали жители Старого Оскола, что город хотят переименовать в Юбилейный. Но, кажется, благоразумие взяло верх.

— Мне кажется, надо сохранять имена городов, мест, улиц. Народ теряет память о своей истории, о своем прошлом.

— Но вместо старых слов и понятий возникают новые.

— Новое не всегда лучше. Мне, к примеру, жалко, что метро называли «метро». С ним нельзя по-русски обращаться, оно чужое, как «пальто» или «кофе» (Хорошо у Толстого: «с кофе»). Мне понравилось, когда одна простая женщина сказала: «Я на метро приехала». Слава богу, что она стала обращаться по-русски с этим нерусским словом!

Почему «метро»? Тем более, что это осколок слова «метрополитен» — столичный. В Германии, в Америке — это просто подземка. А у нас — метро. И ничего уже не поделаешь. Но меня злит, что со словами на «о» стали обращаться, как с «пальто». И говорят: «Я родился в Медведково». Вот уж это глупость. Блррр

скажу, больше — многое не нравится. Но жаргонные словечки для того ведь и создаются, чтобы противопоставить их нормальной литературной речи. Много здесь уродства, но много и ярких слов, юмора, какой-то словотворческой раскованности.

— А вы не считаете, что жаргон очень часто маскирует просто неумение человека говорить? Как, наверное, и штампы — тут крайности сходятся.

— Я не понимаю, что значит — человек не умеет говорить. С женой он говорит? С любимой? В любви объяснился? Его поняли? Как это —

Сергей ОБРАЗЦОВ:

«Я — ЗА ЕСТЕСТВЕННОСТЬ

РЕЧИ...»

Продолжаем разговор, начатый в «ЛГ», № 40, от 30 сентября 1981 года статьей Г. Павлова «Растет ли слово на асфальте?».

жет, статья, и самой новизны и непривычности не замечают.

Конечно, мой русский немного отличается от языка молодых людей, языка моего внука. Потому что все-таки мне 80, а ему 33. И я не должен на это злиться. Ведь язык — дело живое.

В пушкинские времена говорили «музыка», что же теперь — не говорить «музыка» из-за этого?

Мои родители говорили «учители», «профессоры», а я давно говорю «учителя», «профессора». И не считаю, что «профессоры» лучше. Но я не говорю «офицера», «шофера». Это не значит, что я прав, а те, кто говорит так, не правы. Вероятно, сюда подвинулся язык.

Я иногда сержусь на другое. Помню (хоть и давно это было), как рассердился на Владимира Соколухина, когда он предложил говорить «сударь». «Сударь» в мое время (а Соколухин куда меня моложе) никто моему отцу из его товарищей не говорил. «Господин» — да, так говорили всегда. А «сударь» разве в случае: «Прошу вас выйти отсюда, сударь». Либо в каких-то купеческих компаниях. Русская интеллигенция никогда «сударь» не говорила.

И не понимаю, как могу понять, почему хорошее слово «товарищ» не правильной, почему нужно говорить «сударь».

В нужном обиходе были замечательные обращения: девочке говорили «дочка», мальчику — «сынчик», равному — «браток», «сестрица», говорили «отец», «дедушка». Здоровались, говорили: «Бабушка, как пройти в деревню?» Мне все это очень нравилось. Такое обращение выветрилось. И очень жалко. Но, думаю, вернуть его нельзя.

Огорчительно, когда употребляется слово якобы шикарно русское, а оно неправдашнее. Говорят: «над ним довлеет». Это неверно. Говорят так из-за того, что похоже на «давить». Давлеть — значит быть достоянием. Но уже и по радио стали говорить «довлеет», и в речах. Кто это пустил? Но, наверное, с этим ничего сделать нельзя. Тут как ни ори: «кнелепое», но оно будет жить.

— Со временем многие слова меняют свои значения, по-иному употребляются, как случилось со словом «абитуриент», означавшим «выпускник», а в современном языке принявшим значение «поступающий в институт, техникум». Многие слова исчезают, забываются.

— Не все забывается. Меня радует, когда я догадываюсь, почему «Мневники» — потому что меня — налив, мневая уха. Был на этом месте трактир с мневой ухой либо излучина реки, где налив водился.

Или когда я сам догадываюсь, что Якиманка — это от церкви Иоакима и Анны. Обидно, что уходит из языка много слов. Досадно, что некоторые улицы переименовали. Я — москвич. Для меня Мясницкая — все равно Мясницкая. Я очень любил Кирова, но не понимаю, почему его именем назвали именно эту улицу. Не понимаю, почему Софийка стала Пушечной. Какие там пушки? Мы настроили великолепные новые проспекты,

жил в Шахматове. Есенин родился в Константинове, я родился как раз в Медведкове, а дача у меня во Внукове. Это псевдоинтеллигентное произношение — «во Внуково» — уже проникло на радио.

— Г. Павлов в статье «Растет ли слово на асфальте?» говорит о разговорной речи как о своеобразной экспериментальной мастерской языка. Согласны ли вы с подобным утверждением?

— Я ведь не лингвист, и с теоретической точки зрения оценивать статью Г. Павлова не берусь, хотя она мне и показалась очень интересной. Предложение же создать «Словарь разговорной речи» очень убедительно, я сам с удовольствием положил бы такой словарь на свой письменный стол.

Но вот что касается самой речи — мне нравится, когда она проста, свободна и раскованна. Я люблю, когда человек употребляет простые, не книжные слова. И мне нравится, если таких слов много в языке — значит, он живой. Я не осуждаю американцев за то, что они называют сосиски «горячими собаками».

Или слово «жалтура» — я его говорю, не стесняюсь.

«Жалтура» — слово церковное. Это обряды, не связанные с богослужением, — свадьбы, крестины, которые давали другой доход. Теперь смысл этого слова — небрежная работа ради заработка. И чем оно плохо?

Про некоторые слова говорят с опаской — провинциальное. На здоровье!

Разве не «провинциальные» национальные языки взорвали «божественную латынь»? Язык, объединявший лучшие умы Европы, был сметен стихией народной речи. Плохо это или хорошо? Но на этих языках заговорили герои Рабле, Шекспира, Боккаччо.

И каждый настоящий писатель пишет не литературным языком, а сегодняшним. А потом его называют литературным. Сколько каждый большой писатель внес в литературу живого языка! М. Горький, например.

— Ну, а что касается жаргонов? Их обычно осуждают, в особенности молодежный жаргон. Сколько говорилось в печати об уродстве молодежного жаргона, его грубости, стоящей за тлгой и этому стило речи, духовной бедности, неумении говорить и думать...

— Давайте сначала разберемся: отчего появляется у молодежи потребность говорить на жаргоне? Я думаю, что это стремление противопоставить свою речь дурной речи взрослых, заполненной штампами.

Мы заштамповали массу вещей, а дети еще не успели. Все сейчас взялись не «думать», а «мыслить». Если выступают по радио, то не говорят: «я был в Ленинграде», но — «я посетил Ленинград». Я так не говорю. Я люблю простой язык.

Когда нет настоящей мысли, собственного мнения, тогда пользуются штампами. Берется ближайшая формула и говорится.

А молодые хотят придать словам какую-то остроту, новизну. Конечно, не все в жаргоне молодежи мне нравится,

но не умеет говорить? Умеет. Он только думает, что для того чтобы написать статью или выступить на собрании, нужно по-другому говорить. Ну и глупо. Нужно и писать, как говоришь, тогда все поймут.

— Мы знаем от психологов, что человек играет в жизни множество ролей: начальника и подчиненного, семьянина, пассажира, попутателя. И говорим часто соответственно тому, в какой роли мы сейчас выступаем.

— Это как раз дурно, что человек так приспосабливается. Но не думаю, что это относится ко всем. Я могу представить, что человек на профсоюзном собрании говорит одно, положим, о нравственной чистоте, а выйдя за дверь рассказывает похабный анекдот. Что ж, просто это дрянной человек — он меняет свои формулы, свои взгляды, свой язык.

— Простите, Сергей Владимирович, а что в вашей семье повлияло на вашу речь, поведение?

— Атмосфера у нас в семье была замечательная, но не по языку. Папа как раз украинец, говорил: «Аж там, аж здесь...»

Между папой и мамой никогда не было ссор. Вот это было замечательно! Папа был удивительный человек, очень интересный, талантливый, хорошо пел (мы знали множество песен и часто пели вместе), рассказывал нам сказки, сочинял. Он был академик и был страшно простой, необыкновенно добрый. У нас никогда не было каких-то хрустальных ковров, тщательной сервировки к обеду, у нас совсем не было такого быта. Это тоже много значит. Нам родители не запрещали возиться с рыбками, голубями. Я голубятник с детства. Вот и здесь, в рабочем кабинете, видите, у меня канарейки, рыбы.

Но не считаю, что отношения в семье как-то повлияли на мою речь.

— Но ведь иногда человека с детства окружают вещи и понятия, духовная ценность которых не девальвируется с годами — книги, природа, музыка, — он живет в любви и согласии с людьми и миром, то ему легче объясняться с этим миром.

— Может быть, вы правы. Естественность жизни рождает естественность речи.

А я, как вы уже поняли, — за естественность речи.

Беседу вел
Елена ЖИРКОВА